

Джулия Козмо

Ты были

ДУРМАН

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Джулия Поздно Бывшие. Дурман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69018538

SelfPub; 2023

Аннотация

Пять лет назад авария разрушила мою жизнь. Любимый муж стал бывшим, не приходя в сознание, а над нашим ещё не родившимся ребенком нависла угроза. Мне пришлось сбежать, исчезнуть, скрыться от этой семьи. Мужа я вычеркнула из своей жизни, чтобы спасти сына, но сегодня мы встретились. И мой сын так похож на своего отца...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	58
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джулия Поздно Бывшие. Дурман

Пролог

– Что это? – недоуменным взглядом смотрю на тонкую и хрупкую фигуру своей свекрови – Тамары Ильиной-Стембольской.

Женщина явно напряжена. Двумя руками она опирается на дубовую трость с инкрустированной полудрагоценными камнями рукояткой. Несмотря на хромоту и травму, поставившую крест на ее карьере балерины, Тамара Александровна до сих пор держит великолепную осанку и сохранила отличную форму. В ее-то возрасте!

– Простая формальность, – с невозмутимым выражением лица проговаривает Ильина. – Брачный договор.

– Но как же... – чувствую, как губы немеют и язык не слушается, а в теле пронзительной и жгучей лавой разливается боль. – На каждой странице убористым почерком стоит подпись моего Яна.

– Марина, – с нажимом повторяет женщина, – просто подпиши. Ты же клялась моему сыну в великой и бескорыстной любви, тогда докажи это на деле.

Я перевожу взгляд на стопку бумаг. Все буквы пестрят

и расплываются, пытаюсь сосредоточиться и прочитать хотя бы первую строчку. Особенно мешает этот больничный тошнотворный запах, который уже несколько дней наполняет мои легкие после страшной аварии, в которой пострадали я и мой муж.

– Я могу ознакомиться с документами позднее? – оттягиваю время, предчувствие просто вопит о том, что меня заманивают в какую-то западню.

Ян никогда не предлагал мне заключить брачный договор, да и я сама не заводила этот разговор. Было не до того. Договорот страсти и чувств закрутил с такой бешеной скоростью, что очнулась я уже окольцованной и с совершенно чужой для себя фамилией Стембольская. Из-за этого я сейчас смотрю с сомнением на эти документы. Да и свекровь меня невзлюбила с той самой минуты, как меня представил Ян в качестве своей жены.

«Ян, ты, наверное, зло пошутил? Где ты подобрал эту...» – недоуменно, с примесью злобы и горечи выдала моя новоиспеченная родственница.

Сказать, что мне хотелось помыться, ничего не сказать. В ее совершенную жизнь я пробралась тайком, словно воришка, в грязных сапогах натоптала по белоснежному ковру и теперь переезжаю в их дом на правах молодой супруги единственного наследника.

Дверь в палату открывается, и на пороге появляется врач. Я тяну губы в едва заметной улыбке и смотрю с надеждой на

своего спасителя, столь вовремя прервавшего этот неприятный разговор.

– Кто вас пустил? Больной нужен покой, особенно в ее положении.

– О каком положении идет речь?! – во взгляде улавливаю тревожный блеск, что женщина уже поняла, о каком событии заикнулся мой лечащий врач. Ее губы сложились в одну плотную и узкую линию, а лицо исказила жуткая гримаса.

В панике отодвигаю документы в сторону и инстинктивно закрываю ладонями живот. Мне так хотелось оттянуть этот момент. Все должно было произойти иначе и не здесь. С Яном всегда как за каменной стеной, а сейчас мой спаситель лежит в реанимации и подключен к ИВЛ.

– Я говорю о беременности вашей невестки. Ей нужен покой, и никаких волнений. Девушке просто повезло, после подобного ДТП не было ни единого шанса на спасение, тем более что...

– Какой срок? – прерывает бесцеремонно Ильина мужчину, и я замечаю, как плотно она сжимает в руках трость до побелевших костяшек.

«Плод».

Странное название для еще нерожденного ребенка. Грубое и бесчувственное.

Для меня это уже был настоящий человек. С двух полосок. С первого УЗИ на пяти неделях и его сердцебиения.

– Восемь недель, – отвечает врач и, обогнув Ильину, са-

дится на край больничной кровати, начиная стандартный осмотр. – Как ваше самочувствие?

– Как и вчера, – отвечаю тихо-тихо и прячу взгляд за широкой мужской спиной, проклиная эту аварию и сейчас свою беспомощность. – С ребенком правда все хорошо? – сглатываю и пытаюсь унять нарастающую панику от гнетущей обстановки.

– Вот сходите на плановое УЗИ, и врач вам все подробнее расскажет о вашем бойце.

– С чего вы взяли, что это он?

– С таким рвением к жизни, как у него, он просто обязан быть пацаном, – врач улыбается и смотрит на меня с хитрым прищуром.

Мне не важно, какого пола будет наш с Яном ребенок, я уже его люблю.

– Ты... нашла все-таки способ привязать к себе Яна! – с досадой говорит Ильина, сняв маску милой и воспитанной женщины, как только за врачом закрывается дверь

– Вы все неправильно истолковали, – тянусь к документам и решаю закончить столь неприятный разговор, поставив подпись на каждой странице.

Мне не нужны деньги семьи моего мужа. Главное, чтобы он вышел из комы и у нас было все как раньше. Я так надеялась, что, отказавшись от прав на имущество Стембольских, я обрету долгожданный покой и, встав на ноги, смогу побороться за жизнь Яна.

Увы! Я наивный и доверчивый человек, до безобразия.

Несмотря на детский дом и статус сироты, несмотря на отсутствие поддержки в лице родных людей, я обрела любовь и сильное, крепкое мужское плечо. Я сохранила веру в людей, и это стало для меня стало началом конца.

– Готово, – протягиваю документы Ильиной.

– Отлично, Мариночка. Умная девочка. Ты только что подарила свободу моему сыну.

Я вздрагиваю и понимаю, что произошло неизбежное и сейчас собственными руками я помогла уничтожить нашу семью.

Глава 1

– Ма-а-а-м, – тянет сын меня за рукав рубашки. – Хочу мороженое. Ты мне обещала! – мой маленький мужчина заметно дуется и скрещивает руки на груди.

Присаживаюсь на корточки.

Зрительный контакт самый важный в общении с детьми. Вот так – глаза в глаза.

– Зайчик, давай зайдем в магазин у дома и купим целый брикет. Тот самый, шоколадный, – наиграно провожу языком по губам по часовой стрелке и потираю рукой живот. – Темный и сладкий, такой же, как и ты, – дотрагиваюсь осторожно рукой до лица сына и широко улыбаюсь. Смотрю на своего пятилетку, на забавные складки на носу ребенка. Сашка так часто любит морщить нос, хотя ему это не очень идет.

– Не хочу в магазин, хочу в кафе! – затягивает любимую истерику сын и с разбега всем телом падает в лужу. – Мороженое, мороженое...

Кризис пяти лет нас не миновал, а я все же надеялась отделаться малой кровью. Мне едва удалось пережить наши три года. По совету опытных подруг-матерей, подключила к ситуации специалистов: логопеда-дефектолога, психолога, невролога.

«Маринка, сейчас дети просто атомные, без специалистов

труба!» – все мои знакомые утверждали в один голос.

«Дыши!» – приказываю себе и подхожу к луже.

– Сам встанешь или тебе помочь? – продолжаю улыбаться и боковым зрением замечаю, как нашей ситуацией начинают интересоваться окружающие. Все ждут моей реакции.

– Ой! – слышу за спиной сердобольный голос одного из присутствующих. – Что за мать такая? Ребенок упал, а она стоит, лыбится, ждет, пока промерзнет. Полицию надо вызывать!

«Где же вас таких делают – правильных?!» – на моем лице застыла непроницаемая маска доброжелательности, склоняюсь к Саше и протягиваю руку.

– Заболеешь, мороженого точно тогда не видать в ближайший месяц, – методично капаю на детский мозг, стараюсь достучаться до своего ребенка.

В какой-то момент он осознает, что выбрал не самый лучший вариант шантажа, как прогнуть мать под себя. Замечает посторонних, смущается и перестает кричать, как потерпевший, на всю улицу.

– Я вызову такси. Ты весь промок. В таком виде теперь даже в магазин не попадем, – со скорбным выражением лица фиксирую свою маленькую победу над очередным детским капризом.

«Кто бы знал, чего мне стоит вот так стоять и держать лицо...»

Сын протягивает свою маленькую ладошку навстречу.

Удерживаю его руку и вытягиваю ребенка из лужи. Интересно, сколько таксистов мне придется перебрать, пока найду того, кого не испугают лужи в салоне?

Достаю из сумки смартфон, открываю приложение и включаю геолокацию. В этом районе около пяти свободных машин, но по иронии судьбы заказ никто не берет в эконом-сегменте. Нажимаю отмену и выбираю в меню бизнес-вариант. Всего одна машина – внедорожник. Эта поездка до дома мне обойдется в кругленькую сумму.

Плевать. Уверенно принимаю условия службы такси. Маячок на карте вновь оживает и подает сигнал. Запрос принят. Система отбивает новое уведомление. Внимательно читаю фамилию владельца машины и регистрационный номер: Суриков Евгений Альбертович, «Т783ОР».

– Мне холодно, – начинает поднывать Сашка.

Смотрю на хрупкую фигурку сына. Глядя на этого маленького мальчика, пока сложно представить, каким он вырастет мужчиной, но уже сейчас в нем четко прослеживаются знакомые черты. Его отца. Смуглая кожа, черные, как смоль, вьющиеся волосы, брови домиком, овальная форма лица, серьезный волевой взгляд. Вот только цветом глаз сын пошел в меня: небесная синь, напоминающая весеннее безоблачное небо. Хотя бы в этом я перехватила первенство.

Я снимаю с себя ветровку и ловко снаряжаю сына, пока ждем такси. Этого должно хватить, чтобы мы успели добраться до теплой ванны и чашечки горячего цикория.

Сразу выхватываю взглядом черный внедорожник, как только он показывается на перекрестке.

«Зачем работать в такси на такой дорогущей машине? Одна страховка только чего стоит».

Я не могу похвастаться стабильным доходом. На скромную жизнь хватает, правда, не всегда. На зарплату офис-менеджера не сильно разбежишься. Иногда приходится прибегнуть к кредитам и займам. Брать у знакомых в долг не хочу. Легче иметь обязательства перед бездушным банком.

– Зайка, а вот и наша машина.

– Это же настоящий черный танк, – сын с восторгом смотрит на внедорожник.

И я его понимаю. Мы всегда перемещаемся на общественном транспорте или пешком. Мальчишки в его группе давно гоняют с отцами на машинах. Знают все марки и модели. Я, как смогла, тоже научила Сашу, но это все не то, когда нет рядом мужчины и его поддержки. Своей машины у меня нет. Я как-то наведальась в автосалон, но сумма по автокредиту ужасала. Не рискнула повесить на себя такое ярмо. Мать-одиночка, дошкольник и маленькая зарплата в фирме – это совсем не располагает к подобной роскоши. Хотя по современным меркам личный автомобиль больше необходимость.

Я машу рукой, обозначаю, кто здесь клиент. Парковка машин на автобусной остановке запрещена, поэтому резко открываю дверь и пропускаю ребенка вперед.

– Добрый день, – быстро проговариваю и только сейчас

замечаю, что нет детского кресла.

Совершенно забыла указать в комментариях подобные детали. Ладно, это ничего, ехать совсем недалеко, поэтому пристегиваю Сашку обычным ремнем и подкладываю ладонь, чтобы ему не натирало шею.

– Добрый, – мужчина в ответ приветствует, а я теряюсь.

Кажется или все-таки нет, что я узнаю обладателя этого голоса? Пока решала, как разместить сына, даже не посмотрела в сторону водителя.

– Девушка, почему не указали, что вы с ребенком? – назидательным тоном спрашивает мужчина.

Свободная рука висит в воздухе, я вытягиваюсь по струнке и в страхе медленно поворачиваю голову в его сторону.

В последний раз, когда я его видела, мужские глаза были плотно сомкнуты, а лицо изрезано битым стеклом.

Он узнает меня сразу.

Я вижу это по его янтарным глазам с темными вкраплениями шоколадных точек по всей радужке. Моргает и снова впивается пронзительным взглядом, а меня начинает бить внутренний озноб. Все та же смуглая кожа, все те же черные, как воронье крыло, волосы.

– Нет, это невозможно, – шепчу одними губами и чувствую, как в груди все камнеет. Вжимаюсь спиной в пассажирское сиденье. Ощущаю, как резко немеют ноги, такое со мной впервые за пять лет.

Неловкую паузу неожиданно прерывает Сашка.

– Класс, – проговаривает сын. – Внутри еще круче, чем снаружи.

Вздрагиваю. И большим усилием воли привожу себя в чувство. Я не должна показать, как сильно боюсь. Иначе...

– Что, нравится, малец? – водитель резко отстраняется и прерывает зрительный контакт, разворачивается обратно к рулю. Машина трогается с места под непрерывный сигнал маршрутки, которая пытается нырнуть уже несколько минут в «карман» остановки.

– Очень, – выдает бесхитростно Сашка.

– Рижская, восемь, – немного переведя дух, называю домашний адрес, моментами даже заикаюсь.

– Я в курсе, – бархатный баритон разливается ласкающим звуком по салону, а я продолжаю наблюдать за отражением мужчины в зеркале заднего вида, уголки его губ дрогнули и поползли вверх. Заметил.

Ругаю себя на чем свет стоит. И зачем назвала свой домашний адрес? Его же я вбиваю еще в самом начале заказа, ровно до того момента, как начинает работать геолокация.

Мне есть что скрывать, вернее кого, от этого человека. Теснее прижимаюсь к Сашке, и мне сейчас плевать, что ребенок весь мокрый.

Сын же, напротив, чувствует себя прекрасно, несмотря на явный дискомфорт.

– А бензина нужно много для этой машины? А она ваша?

А мне такую подарите? – ребенок закидывает своими детскими вопросами нового знакомого.

– Да. Нет. Как мама решит, – мужчина втянулся в диалог, а я внутренне умираю от переливов в его интонации, особенно в момент последнего ответа.

«Что значит, как мама решит?»

Напрягаюсь.

Через пару минут я справлюсь с эмоциями. Вдох-выдох... Пять лет как-то продержалась и сейчас смогу. Главное – срочно унять внутреннюю панику. Натянуть свою любимую маску непроницаемости и сделать вид, что ничего особенного не случилось. Подумаешь, встретила призрака прошлого. Любимого призрака, который перевернул душу и забрал мое сердце...

Глава 2

За окном машины мелькают быстро улицы. Сашка так и продолжает засыпать Яна вопросами, тот любезничает не специально, а действительно проникается к мальчику симпатией. В людях чувствуется фальшь, особенно в адрес детей.

Я молчу.

Дикое напряжение тягучей лавой растекается по телу. Нервы. В последнее время я плохо справляюсь со стрессом. Стрессоустойчивости вовсе нет. Работая корректором, я полностью отсекала себя от общения с людьми.

Я больше им не верила. Особенно мужчинам.

Я смотрю в зеркало заднего вида и изучаю до боли знакомые лоб, брови и сосредоточенный прищур родных глаз.

Не родных. Бывших. Мы чужие.

Повторяю, как мантру, и прикусываю нижнюю губу до крови. Какой же надо быть дурой, чтобы продолжать испытывать искренние чувства к одному из представителей Стембольских. Они жестоко обошлись со мной. С нами. Молодую девушку, беременную, вышвырнуть практически на улицу. Без сожаления и сострадания. А он? Чем Ян лучше своих родителей? Если он сейчас сидит здесь и спокойно управляет машиной, значит, все благополучно закончилось для него. Он ничего не сделал или не захотел сделать.

– Мам, – тянет меня за руку Сашка. – А мы еще раз по-

катаемся на машине Яна? – я совершенно обескуражена и теряюсь, не зная, что ответить сыну.

– Милый, в службе такси много разных машин, вряд ли мы еще раз сможем позволить себе такую недешевую поездку.

Я не хочу выглядеть нищенкой перед Яном. Я много раз представляла эту встречу. Нашу встречу. Но воображение, где я красивая и независимая – это одно, а суровая реальность – другое.

Ян молчит. Делает вид, что пропустил мимо ушей мое объяснение ребенку. Я в тревоге считаю минуты до того момента, как смогу выйти из машины, сгрести в охапку сына и отгородиться от Стембольского-младшего хотя бы подъездной дверью.

– Ура-а-а, – кричит сын. – «Рыжий слон». Мы дома.

За тягостными размышлениями я совершенно пропустила тот момент, когда мы въехали в знакомый район. Сын всякий раз, узнавая любимый магазин игрушек, радовался, что скоро мы окажемся дома. У нас эта привычка переросла в целый ритуал. Во всех интересных местах, где мы побывали, искали некий ориентир. Недалеко от дома – магазин игрушек, в центральном парке – маленький пруд.

– Рижская, восемь, – глушит двигатель Ян.

Вот зачем он это делает? Почему не проверяет поступившую оплату по выполненному заказу.

Мужчина отстегивает ремень безопасности. Плавно открывает дверь и выходит на улицу. Я только и успеваю, как

рыба, открывать рот и хватать безмолвно воздух. В глазах плывут черные точки, и кажется, что я сейчас упаду.

Ян открывает дверь с моей стороны и протягивает руку.

– Это вовсе не обязательно, – язвительно отвечаю и игнорирую галантный жест со стороны Стембольского.

– Тариф «бизнес» обязывает, – я замечаю, что в глазах Яна заплясали чёртики. Он явно получает удовольствие от происходящего. – Желание клиента – закон, – он отстраняется, огибает машину сзади и тот же галантный жест проделывает с Сашкой.

Отстегивает ремень. Проверяет, не натер ли он ребенку шею. Подает руку.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться. Нервы, словно оголенные провода, разлетаются из стороны в сторону и начинают коротить.

– Спасибо, не надо. Саша, я помогу, – вклиниваюсь между Яном и сыном.

Подсознательно я пытаюсь избежать их телесного контакта. Чтобы «зов крови» не сработал.

– Мам, ключи.

Я подхватываю Сашку. Несмотря на то, что ребенок мокрый, я плотнее прижимаю к себе сына.

– Ключи, – повторяет он.

Я спохватываюсь, расстегиваю сумку и начинаю поиски для нашего очередного ритуала. Когда мы подходим к подъезду, Саша открывает двери, прикладывая цифровой ключ

к панели домофона. Так ребенок ощущает себя взрослым, помощником.

– Пока, – Саша машет Яну рукой, а я, не поворачиваясь, пытаюсь ускользнуть от своего болезненного прошлого.

– И даже не попрощаешься?! – летит острием кинжала в спину брошенная реплика. – Рина.

От того, как он произносит мое имя, я спотыкаюсь, едва удерживаюсь на ногах и застываю. Ноги словно два бетонных столба. Не сдвинуть. Не пошевелить пальцами.

«Что же ты никак не угомонишься, Ян Стембольский, или мало причинил боли и решаешь дожать ситуацию?»

– Прощай, Ян, – чеканю каждое слово, невероятным усилием воли сдвигаю себя с места, словно ледокол, и спешу к входу в подъезд.

Только когда железная дверь примагничивается доводчиком к замку, выдыхаю.

Больно, мне до сих пор больно видеть этого мужчину, знать о его предательстве, ненавидеть... или нет?

– Где ты была? – сын колошматит по кнопке вызова лифта и смеется.

– Саша, так нельзя. Кнопка может сломаться, лифт застрянет. Тогда нам придется идти на десятый этаж пешком, а ты весь мокрый, – включаю назидательный тон учителя в адрес ребенка.

Ненавижу такие моменты. Где ты на правах родителя дол-

жен провести черту между «можно» и «нельзя». Еще бы это работало! Столько книг по воспитанию мною прочитано, а результат один – мой ребенок постоянно проверяет рамки дозволенного и пытается взять первенство в наших отношениях. Может, это потому, что в нашей маленькой семье только я и он?

Стискиваю челюсти до зубного скрежета.

Терпеливо убираю руку сынишки с кнопки и стараюсь перевести дыхание. Сердце стучит о ребра как бешеное. Встреча с биологическим отцом Сашки совершенно выбила почву из-под ног и спутала все планы.

Трясу головой и смотрю, как на табло над дверями лифта меняются этажи. Нельзя себе позволить сейчас думать о семействе Стембольских. Лучше поразмыслить, как установить доверительные отношения с сыном. Наверное, когда он станет старше, все изменится, и я еще буду скучать по таким милым нелепостям, как детское непослушание. Убеждаю себя: все будет хорошо! Вновь бросаю встревоженный взгляд на Сашку. Правильно ли я поступаю, что в нашей жизни нет мужчины? Возможно, если бы я не была однолюбом, то уже давно могла бы выйти замуж, найти настоящего друга ребенку и быть счастливой...

– Мам, чего застыла? Пойдем.

Двери лифта открываются, и металлический голос оповещает о выборе нужного этажа.

Дома мы спешно снимаем всю мокрую одежду. Я включаю

кран с горячей водой, теплое испарение ложится крупными каплями на керамическую плитку. Беру мочалку, выдавливаю цветной гель для купания, который так нравится сыну, и начинаю интенсивными движениями растирать Сашу.

– Хочу пить! – немного требовательно и плаксиво затягивает ребенок, когда я стираю влагу с детской кожи махровым пушистым полотенцем.

– Сейчас, подожди минутку, мама поставит твою одежду на стирку, а потом я заварю тебе травяной чай с медом.

– Фу-у-у, – тянет Сашка, – гадость. Сама пей свой чай! Я хочу обычный, сгущенку и блинчики.

– Заболеешь, – натягиваю банный халат на ребенка и быстро завязываю крупным узлом пояс. – В садик не пойдешь, Петьку не увидишь. Будем сидеть дома.

– Ну и ладно, – не моргнув, заявляет сын и с деловым видом проходит мимо меня. – А Петька твой – дурак, – сын оборачивается на мгновение и корчит забавную рожицу, затем хмыкает и выходит.

Я растерянно моргаю и смотрю моему маленькому победителю-неслуху в спину.

Блины так блины. Иду на поводу в очередной раз, прохожу в кухню, открываю холодильник: молоко, пять яиц...

Ставлю продукты на небольшой столик, что еле уместился в крохотном помещении на несколько квадратных метров. Я тогда в положении не сильно расстраивалась, насколько мне досталась маленькая квартирка от бабули. Крыша над

головой, свой угол вызывали только восторг.

В доме Стембольских мне никогда не нравилось. Черно-белые тона в интерьере, дорогая мебель, хрусталь, лучшие зеркала. Все это напоминало больше дворец королевы из Зазеркалья. Холодный и неприветливый.

Так и перемещаюсь по кухне от стола до плиты.

Сашка кричит:

– Мам, смотри, какой сильный дождь!

Реагирую мгновенно. Убавляю газ под сковородой. Так привычнее – быть с сыном на одной волне, не игнорировать детское обращение. Одергиваю гипюровую занавеску, еще доставшуюся от бабушки, смотрю на дождь, затем на уличный асфальт. Сердце пропускает несколько ударов.

Машина Яна до сих пор стоит в нашем дворе. Он так и не уехал. Сидит внутри, я замечаю тусклые блики внутри салона от подсветки телефона.

«Что же тебе не живется спокойно, Стембольский?» – тихо бросаю в оконное стекло, оставляя на гладкой поверхности жаркое дыхание.

Я провожу указательным пальцем и ставлю на запотевшем участке знак вопроса.

Глава 3

После заказанного сыном ужина я играю с Сашей в небольшую настолку по рекомендации логопеда. Носатая Баба-яга смотрит добродушно с яркой крышки коробки. На цветном поле несколько богатырей у замка, а дальше при каждом новом ходе нас поджидают интересные задания на развитие речи и логики. Сашка любит синего богатыря, старательно вчитывается в карточку и бросает кубик.

А я, вместо того чтобы разделить радость ребенка, погружена в полное отчаяние. Наивно было полагать, что Ян уедет сегодня и мы больше никогда не встретимся.

Я в третий раз перекидываю кубик, забыв, куда идет мой богатырь, с большим натягом выполняю милое задание: прочитать скороговорку не моргая.

– Мам, ты как сонная муха, – подводит итоги моей слабой игры сын.

– Я просто устала, Саш.

Мой сын – самый большой для меня друг. Именно этот человечек помогал коротать мои бессонные одинокие ночи. Ему я посвящала всю себя, а он мне забавно улыбался в ответ, благодаря, когда ему было всего четыре месяца, а я давилась слезами от счастья и несчастья одновременно.

– Так иди и поспи, – немного по-отечески говорит Саша и ставит богатыря в коробку.

– Мы же не доиграли, – улыбаюсь и помогаю собирать игру.

– В другой раз, – резонно замечает сын, – лучше играть, когда никто не зевает и не считает ворон.

– Верно.

Непослушание и серьезность прекрасно сочетаются в Сашке. Иногда я бешусь от собственного бессилия, что ребенок пытается руководить мной и командовать. Но иногда задумываюсь о том, что меня просто бы не существовало без него.

Я ставлю Саше аудиосказку и отправляюсь на кухню под предлогом грязной посуды. Плотнo прикрываю в нашу с ним комнату дверь и, не включая свет, на цыпочках добираюсь до окна.

Черный внедорожник, как приклеенный, стоит до сих пор на улице. Пока я пристально рассматриваю через стекло своего бывшего, не замечаю, как раздается глухая вибрация на смартфоне. Реагирую только на третий раз и замечаю мерцание экрана.

Неизвестный номер уже несколько раз пытался позвонить. Обычно на чужие телефонные звонки я предпочитаю не отвечать.

– Алло, – пойдя наперекор своим принципам, решаю не сбрасывать звонок.

– Рина, – молчание, – это Ян.

– Как ты узнал мой номер? – стараюсь говорить ровно и

безразлично.

Хотя в душе невероятная паника, и страшные мысли одна за одной рвутся наружу. Может, он уже все знает?

– Поверь, при моих связях это несложно.

– Допустим. Разве это что-то меняет между нами? – резко обрываю и задаю вопрос в безжалостной попытке не допустить возникновения любой связующей нас ниточки. – Я попрощалась, Ян, – напоминаю ему о том, что этот разговор не имеет никакого смысла.

– Я хочу поговорить. Сейчас.

– Нет, Ян, – сбрасываю звонок.

Так будет лучше. Если не идти у него на поводу и не встречаться, возможно, он не станет плыть против течения. Это у него хорошо получается. Вот пусть и не изменяет этой своей привычке.

Открываю кран и начинаю мыть посуду. Под шум воды и сильного напора струи успокаиваюсь. Как будто и не было этой встречи в машине и вечернего звонка.

В комнату я вхожу спустя полчаса. Сашка раскинулся на диване звездочкой откинув одеяло в сторону. Сын беспокойно спит в эту ночь. Он как будто на каком-то ином уровне ощущает присутствие того, кого не должен был узнать никогда.

Я укрываю Сашу, а сама иду и сажусь за работу. Мои ночные бдения не всегда хорошо заканчиваются. Глаза – мой главный рабочий инструмент, и после болезненных ситуаций

приходится вдвойне следить за их здоровьем. Глазные капли всегда стоят на моем рабочем столе.

Целый час я предпринимаю попытки выполнить хотя бы часть того, что запланировала. Ничего не выходит. Закрываю крышку ноутбука и минут пять сижу в темной комнате, привыкая к плохому освещению.

«Иди спать, Марина!» – приказываю себе.

Утром наступит новый день, и я обязательно справлюсь, но только завтра, а сегодня мне требуется отдых от рутины и Стембольского.

Проснувшись рано, я запрещаю себе подходить к окну. Ян должен был понять все правильно и не беспокоить меня больше никогда. Я варю себе кофе в турке, вдыхаю дурманящий аромат. Наспех пью напиток, совершенно забывая о размеренном начале нового дня.

Бужу Сашку, он такой забавный, когда еще спронеся смотрит по сторонам с немим вопросом: «Кто я, где я?»

За несколько лет ранних походов в детский сад я выверенными движениями собираю постель, складываю диван. Саша активно помогает и уже чистит положенных три минуты зубы. Из шкафа достаю сыну одежду.

Про себя благополучно забываю: волосы в пучке, толстовка с капюшоном, джеггинсы, кроссы, ни грамма макияжа.

– Ма-а-а, – оценивающим взглядом проходит от макушки до ног мой будущий мужчина.

В руках сына моя небольшая косметичка.

– Саш, это что?

Он вкладывает мне в руки сумочку и, тяжело вздыхая, отвечает:

– Это называется косметика, ты что?! – удивленно моргает мой мальчик.

– Я знаю, Саш, – чмокаю ребенка в щеку и благодарю за заботу, – но нам действительно некогда и не до красоты, – подвожу итог.

За эти пять лет я не пыталась устроить свою личную жизнь, не до этого. Хотя знакомые пытались меня свести со своими друзьями. Мимолетные отношения меня мало интересовали: для здоровья, чтобы помнить, зачем на свете мужики, чтобы не схватит расстройство по-женски. Я считаю подобные аргументы глупостью и недалечностью.

Три провальных свидания окончательно меня убедили отложить до лучших времен подобные поиски. Ребенок и работа. Остальное подождет.

– А Петькина мама так не считает, – я застываю на месте, и мне кажется, пазл начинает складываться, почему мальчишки больше не дружат.

– Ты что-то услышал? – вижу по глазам Сашки, что попадаю в самую точку.

Сын отводит взгляд и немного краснеет, нет, не от стеснения, а от обиды за меня.

– Да, – робко отвечает сын, – я не все понял, только она говорила о нас, назвала нашу фамилию, Вельские, и тебя...

– Что, Саша, что сказала мама Пети? – начинаю уже нервничать, присаживаюсь на корточки и пытаюсь установить зрительный контакт с ребенком.

– Мам, а кто такая лахудра? Петька говорит, что это страшная тетка, как ведьма. Ну ты же не она, правда?

Сглатываю и понимаю, что во рту жутко пересохло. Я, конечно, в модели не набиваюсь, но чтобы так говорить о чужом человеке, совершенно не зная... всех обстоятельств.

– Правда, сынок, я не ведьма и никогда ею не стану.

На лице Сашки расцветает улыбка, ребенок льнет ко мне и крепче обнимает за шею. Я едва сдерживаю подкатившие слезы.

– Ну что, идем? – подмигиваю ему, а косметичку равнодушно закидываю на комодик в коридоре.

Если человек судит о людях только по внешним данным, значит, нам не по пути, и действительно будет лучше, если мальчики не будут общаться.

Я видела Петькину маму, всегда с укладкой – волос к волосу, стильный макияж, дорогая одежда. Единственное, не повезло с фигурой. После родов женщина сильно набрала в весе, и никакие упражнения и лечение ей не помогли. Отец Петьки – Владимир Алексеевич Веселов – местный чиновник. Перед выборами специально устроил ребенка в обычный детский сад, чтобы показать, что он на равных со своим народом.

Такие люди находятся на другом социальном уровне, все-

гда. Мне ли не знать! Именно такая же семья причинила мне настоящую боль, вышвырнув на обочину жизни.

Когда мы выходим на улицу из дома, озираюсь по сторонам и тут же облегченно выдыхаю. Стембольский не сошел с ума, а внял моей просьбе и не стал рыться в прошлом. Настроение сразу поднимается.

С сыном бросаем хлебные крошки для голубей на пустом пяточке возле мини-маркета, где проходит теплотрасса. Затем наблюдаем, как с крыши дома слетаются птицы, окружая нас небольшой стайкой.

– А почему они серые? Кто-то забыл им выделить краску поярче? – искренне не понимает Сашка.

– Тогда это были бы не голуби, а попугаи, – смеюсь и отламываю хлебный мякиш покрупнее. – А вообще они очень красивые, особенно белые, – в этот момент понимаю, что все-таки не сдерживаюсь и затрагиваю болезненные воспоминания о том дне, когда мы с Яном расписались.

Шикарной свадьбы не было. Ни тебе белоснежного платья, ни машин, ни гостей. Я попросила именно так. Ян настаивал на традиционном варианте торжества. Только тогда мне показалось это неправильным. Я посчитала, что не совсем дотягиваю до уровня их общества, и предпочла, как страус, зарыться с головой в песок. А зря!

Глава 4

Ян

– Ваш кофе, – ставит на стол серебряный поднос официантка с двойным американо, а я невольно тяну аромат ноздрями и прикрываю на секунду глаза. Воспоминания услужливо подкидывают самые болезненные обрывочные фрагменты подсознания. Где я учу варить кофе по-турецки ту, которая растоптала душу и предала, перечеркнув все хорошее, что между нами было, уничтожив будущее.

– Спасибо, – выдаю сухо слова благодарности в спину уходящей девушке, а затем перевожу взгляд на Женьку, друга детства. – Как же тебя так угораздило? – оценивающим взглядом скольжу по разбитой физиономии товарища и его сломанной руке.

– Любовь, – наиглупейший ответ получаю на свой вполне серьезный вопрос.

– Суриков, ты меня за кого принимаешь?

– Ян, тут навалилось все разом, – юлит и опускает взгляд в стол друг. – Я Трусовцу задолжал.

Чувствую, как давлюсь напитком, и начинаю закашливаться.

– Льву Федоровичу? Я не ослышался?

Ну мало ли на белом свете однофамильцев! Почему сразу известный в определенных кругах Трусовец? Хочется ве-

ритель, что Женька при мозгах и совсем не идиот.

– Он, – печально отвечает товарищ.

Идиот.

– Сколько?

Теперь понимаю, что наша встреча состоялась не просто так, Женька пропадал периодами, а потом появлялся внезапно и снова отчаливал в свою настоящую реальность. А я не мог игнорировать его, особенно после того, как он подогнал отличного реабилитолога и остеопата. Эти два специалиста поставили меня на ноги, а Женька суетился и был моими руками и ногами в тот момент, когда у меня, кроме головы, больше ничего не функционировало.

– Много, – друг подтягивает мой телефон пальцами, торчащими из-под гипса. – Сними блокировку.

Он открывает калькулятор и начинает вбивать цифры. От появляющихся нулей на экране не сдерживаюсь и присвистываю в голос, привлекая излишнее внимание присутствующих людей в ресторане.

– Суриков, – едва сдерживаюсь от едких колкостей в его адрес и опять же не хочу напугать за соседним столиком пожилую женщину с внуком. – Ты чем думал?

– Тем местом, о котором ты подумал, Ян. Во всем виновата любовь.

Искренне не понимаю, друг сейчас бредит или разыгрывает меня.

– Ее зовут Милана.

По блеску глаз друга понимаю, что не врет и дело действительно принимает романтический оборот.

– Я ее когда увидел...

– Где же ты встретил ту, что подвела тебя под монастырь? Ты вообще в курсе, что сделает с тобой Трусовец? Бетон не его метод – это давно вышло из моды, а вот несчастный случай вполне подойдет, учитывая его связи в правоохранительных органах.

– Она такси вызвала.

– Такси?

Женька кивает в сторону окна, и я замечаю припаркованный внедорожник у тротуара. Дорогой, новенький и совершенно не по карману другу.

– Ты же слышал наверняка о службе такси «Вмиг»?

– Допустим, – начинаю раздражаться оттого, что друг совершенно не умеет излагать ситуацию четко и по делу.

Я уже мог две встречи провести с важными клиентами, пока сижу здесь и пытаюсь понять, во что вляпался мой друг детства и вообще каковы шансы на успех ему помочь вылезти из этого ...

– Водителей эконом-класса они давно набрали, а на бизнес-тарифе машины премиум и g-класса. Премиум для меня сильно по-бабски, а внедорожники вставляют, опять же, новые знакомства, – с особым запалом начинает рассказывать друг.

– Вижу я твои знакомства, – усмехаюсь, хотя ситуация ка-

тастрофическая и как бы совсем не до веселья, но это же Женька! – Вернемся к Милане.

– Ну я на выезде заказ ловлю, по этому адресу я ездил уже не раз, всегда возил директора завода холодильного оборудования, а тут ворота отъезжают, и выходит она... Я ее как увидел, совсем башку потерял.

– Суриков, ты сейчас о своем малом мозге?

– И о нем тоже. Вижу, тебе совсем не интересно, – с обидой высказывает Женька.

– Ну почему же, друг сильно влип, задел интересы особого человека и, судя по всему, попортил чью-то дочь, верно?

– Что это сразу попортил?! – вскидывается Женька. – Она знаешь какая, не для меня одного ягодка...

– Так зачем же? Баб тебе, что ли, мало, вон их сколько, – киваю в сторону окна, – по улицам ходит, а ты на элитных полез. Без обид, подробности ваших встреч меня не интересуют. И денег столько дать не смогу, часть, на остаток продашь машину и перекроешь разницу.

– Не могу ее продать. Она в лизинге у службы такси. Я на выкупе по договору, два месяца осталось отпахать, и будет машина моей. Работаю как вол, уже шестнадцать часов не спал, энергетики жру.

– Так и себя, и того, кого везешь, угробишь, – подвожу итог нашего разговора. – Сколько нужно еще для выкупа?

– Я подсчитал, – приободрился Женька, – если месяц откатаюсь в таком графике и возьму кредит...

– У тебя нет этого месяца. Трусовец не из тех, кто будет ждать столько.

– Что же делать, Ян? – совсем сникает друг.

– Мозги включать, – подношу руку и слегка постукиваю ему по лбу, – не для красоты они в твоей голове. Часть денег получишь через две недели, а сейчас поезжай домой, выспись.

– Нет, – машет руками Суриков, – мне только новый заказ пришел, тут не очень далеко, до Рижской всего лишь, а потом...

– Никаких сейчас и потом, – практически уже рычу на Женьку, – себя угробишь и ни в чем неповинных людей, заруль не пущу. Отменяй заказ.

– Штраф будет, а там у нас знаешь как строго!

– Дать бы тебе... взбучку, – вижу заинтересованный взгляд все той же пожилой женщины и замолкаю.

Выход остается лишь один. Вызывать нашего семейного водителя, чтобы он отвез этого бессмертного домой отоспаться. Диктую адрес, а сам решаюсь на очередную глупость.

– Если останешься жив, считай, мы с тобой в расчете, Суриков, – говорю это больше для себя, чем для него. – Ключи давай от машины и свой телефон.

– Ты что, серьезно? – заикающимся голосом уточняет Женька. – Ты же...

– Пора взглянуть своим страхам в лицо, – не улыбаясь,

начинаю знакомство с приложением «Вмиг» на смартфоне друга.

В салоне не своей машины сижу минут пять. Привыкаю. Дышу. Стараюсь переключить внимание на что-то... Занимаюсь полной ерундой.

«Панические атаки. Это бывает. Особенно после... Вам необходима терапия».

Клинический психолог проводил со мной по часу два раза в неделю. Я чувствовал себя подопытной крысой, да и сейчас ощущаю себя так же, когда касаюсь кожаной отделки руля и провожу пальцами по приборной панели.

Музыка. Да. Надо включить любую радиостанцию и попробовать вслушаться. С кнопки на руле включаю первую радиоволну – новости, переключаю до тех пор, пока не появляется что-то наше: понятное, мелодичное, со смыслом.

Включаю рабочий телефон друга, открываю инструкцию и сразу первым пунктом натыкаюсь: «В момент посадки клиента не должно звучать никакой музыки. По запросу клиента вы можете выбрать радиоволну, приемлемую и разрешенную с его стороны».

Тоска.

Пристегиваюсь и завожу двигатель.

Надеюсь, сейчас никто не решит позвонить, потому что я только мало-мальски успокоился, вспомнил, как дышать, и наконец смог сфокусировать взгляд.

Еду не спеша, в левый ряд не лезу, потому что совершенно не смогу отдаться привычному скоростному потоку. Чувствую себя дилетантом.

Один заказ. Главное – выдержать. Хорошо, водителям не доступен функционал набора нескольких заказов сразу, хотя Женька утверждал, что есть хитрость, но после того, как я метнул в его сторону злобный взгляд, друг не стал вдаваться в подробности.

Мне везет, на дороге вполне свободно, комфортно.

На карте навигатора клиент мерцает точкой. Я сосредоточен, стараюсь по сторонам не сильно смотреть, пальцы подрагивают от накотившего напряжения, и немного стало не хватать воздуха.

Как обычно, люди не всегда знают правила, и кто-то вызвал машину на автобусную остановку. А значит, этого недомка придется быстро загрузить и уехать в надежде, что на машину не прилетит штраф.

С другой стороны, это будет каплей в море с учетом того, в какую лужу умудрился посадить себя Женька.

Притормаживаю. Включаю аварийку. Жду.

От присутствующих на остановке людей быстро отделяются две фигуры: женская и ребенка.

Ребенок почему-то идет в одежде не по размеру, и он как-то передвигается странно. Кошусь на заднее сиденье, повезло, что весь салон кожаный, легко чистится и всегда можно заказать мойку при разных обстоятельствах без особых по-

терь.

На девушке облегающие джинсы и бесформенная толстовка, на голову накинута капюшон, а мальчишка в ветровке совершенно ему не по размеру.

Я терпеливо жду, когда они залезут в салон, чтобы быстрее свалить с остановки. Как только хлопает дверь, начинаю движение.

– Добрый день, – говорит незнакомка и тянется к ремню безопасности.

– Добрый, – приветствую, а в душе начинает ворочаться что-то странное, давно забытое.

Отгоняю сомнения и задаю резонный вопрос:

– Девушка, почему не указали, что вы с ребенком?

Она что, вздрагивает или мне показалось?

Поворачиваю голову в ее сторону, играть в гляделки через зеркало неудобно. И меня словно холодной водой окатывает. Я забываю, где сейчас нахожусь и какой сегодня день. На меня смотрят до боли знакомые глаза Вельской.

Моей бывшей. Жены. Предательницы.

Она явно растеряна и ... напугана. Я такой страшный? Или считает, устрою ей разборки на глазах у... Кстати, а кто это с ней? Смотрю на мальчугана, его лицо, глаза, и становится не по себе.

Значит, слова и доказательства матери, предоставленные тогда в больнице, были правдой. Рине не нужен был инвалид, и она нашла кого поздоровее. Наверняка у них крепкий со-

юз, раз есть общий ребенок. А когда-то она ласковой кошкой терлась о мои бедра и мечтала о маленьком сыне. И я мечтал. Идиот. Насколько бывшая оказалась двуличной особой! Меркантильной и лживой.

– Класс, – вклинивается в наши молчаливые гляделки ребенок.

– Что, нравится, малец? – нет сил смотреть ей в глаза, нормальные слова вылетают из головы, и я пытаюсь отвлечься. Старательно хватаюсь за руль и сейчас чувствую впервые, что страха перед ездой совершенно нет. Правильно. Адреналин сейчас просто зашкаливает, и хочется выйти и вытащить Марину на улицу.

– Очень, – мальчик улыбается и с интересом поглядывает по сторонам.

– Рижская, восемь, – бывшая наконец нашла в себе силы заговорить, а я цепенею, меня до сих пор волнует ее голос. И если вначале я был уверен, что это злоба и ярое желание воплотить в жизнь свою месть, то сейчас начинаю сомневаться.

– Я в курсе, – вкрадчиво отвечаю и играю, как будто я хищник, решивший, что на сегодня сыт и можно позабавиться.

В зеркале заднего вида вылавливаю ее заинтересованный взгляд. Рина снова пугается и еще сильнее вжимается спиной в сиденье.

Сынишка у нее забавный. Неиспорченный. Заинтересованный.

– А бензина нужно много для этой машины? А она ваша? А мне такую подарите? – за несколько минут ребенок, как из пулемета, забрасывает меня вопросами. Я стараюсь удовлетворить детскую любознательность и отвечаю по порядку:

– Да. Нет. Как мама решит, – на последнем ответе специально упоминаю о Рине, в ее взгляде мелькает явная паника.

Неужели она и в правду решает, что я намерен возобновить наше общение? После всего?

В районе живота все скручивает в болезненном спазме. Меня немного прошибает пот. На повороте быстро стираю капли со лба. Вельская настолько погружена в себя, что совершенно перестает реагировать на внешние раздражители.

Я никогда не был в этом районе. Странно, что по этому адресу они проживают. Возможно, новый элитный район?

Я ошибаюсь. Из элитного тут если только кованая скамейка у подъезда и урна, вмурованная в тротуар. Остальное все уныло и печально. Обычный спальный район. Не новостройка. Старый фонд. В таком только разве тараканов морить.

По правилам службы такси водитель должен открыть двери и, если необходимо, вынуть багаж клиента. Препроводить до дверей подъезда. Глушу двигатель. Отстегиваю ремень безопасности и стараюсь быть галантным, насколько это возможно в подобной ситуации. Еще раз осматриваюсь, и только сейчас мелькает закравшаяся мысль о несовпадении тех данных с реальными фактами. Где же ее укомплектованный муж-бизнесмен?

На фотографиях, предоставленных матерью, была зафиксирована целая история искрометной любви. Я тогда кричал по ночам в подушку от дикой и разрывающей на куски боли. Как только представлял, что к ней прикасается какой-то мордovorот, трогает там, где складывались в дорожки мои поцелуи...

От необдуманных поступков уберег Женька. Договорился с охранником и принес «обезболивающее» хорошее, двадцатилетней выдержки, прямо в палату. Врачи поутру находились в шоке. Я не то что не помнил о Рине, я едва вспомнил, кем являюсь сам.

Тогда мне стало легче, а сегодня тот же друг окунул своими проблемами меня в болезненное прошлое с головой.

– Это вовсе не обязательно, – отодвигается в сторону бывшая и демонстративно обходит меня с другого конца автомобиля.

– Тариф «бизнес» обязывает, – хочется придушить мерзавку за ее дерзость и наглость. – Желание клиента – закон, – игнорирую ее выходку и направляюсь к ребенку.

Ее словно кто толкает с места, она несется к нам с мальчиком, как только я собираюсь к нему прикоснуться.

– Спасибо, не надо. Саша, я помогу.

Выпрямляюсь и смотрю на ее странное поведение. И если в машине могло показаться, то сейчас все говорило явно о том, что она не хочет, чтобы я как-то взаимодействовал с ребенком. Неужели я в ее глазах такой урод, что могу из чув-

ства мести причинить мальчику вред? Это безумно бесит и еще больше подталкивает к тому, чтобы разузнать, как прошли последние пять лет жизни мадам Вельской.

– Пока, – мальчик активно машет мне рукой, когда Рина пытается как можно дальше уйти с сыном. От меня.

– И даже не попрощаешься?! – бросаю язвительно в спину, чтобы окончательно убедиться, что она явно чем-то напугана.

Теперь остается выяснить, что именно послужило толчком к подобному поведению девушки.

– Прощай, Ян, – отрезает она, не поворачивая головы, и еще быстрее припускается по направлению к подъезду.

Глава 5

В детском саду Саше нравится. В самый же первый день сынок подрался, забрав детсадовскую общую игрушку у мальчика из группы на улице. Для чего придуманы лопатки для снега? Правильно, чтобы ломать их об своих друзей.

– Саш, у вас сегодня физкультура, – смотрю дневное расписание и машинально наставляю ребенка на новый день. Еще немного сонный, мой Заяц привычно тянется к пакету с формой и выдвигает нижний ящик, забирая из него чешки.

– Людмила Васильевна будет ругаться, – тянет сын, старательно втискивая свою широкую ножку в узкую обувь. – Она просила купить другие чешки, все время пятка задирается.

Изучаю меню и стыдливо отворачиваюсь. Точно! Сашка в прошлый четверг что-то такое говорил, а я снова за своей работой пропустила мимо ушей.

– Доброе утро, дети, – бахает до неприличия знакомый голос мамы Петьки.

Женщина делает вид, что меня не замечает, отворачивает лицо и заинтересованным взглядом посматривает в группу.

Я продолжаю стоять и недоумевать, как можно быть такой ехидной.

Подумаешь, дети поругались! С кем не бывает?

Я склоняюсь к сыну и целую своим фирменным чмоком в лоб. Сейчас Сашка морщит нос и, высовывая язык, прого-

варивает:

– Фу, мам, здесь же девочки и друзья.

Стесняется. Интересно, что будет когда ему стукнет четырнадцать?

– Вечером поговорим, – провожу ладонью по его волосам и улыбаюсь.

Саша убегает в группу, а стою и продолжаю смотреть на закрытую дверь. Странное ощущение, когда этих дверей не одна, а много, когда они ведут не в группу детского сада, а в прошлое, о котором даже просто думать страшно. Ведь если бы я поддавалась на угрозы Ильиной, сейчас бы мне некого было вести в детский сад.

«Не будь душой, ты не имеешь никаких прав. Ян свободен от тебя и твоего влияния».

Мать Яна умела делать больно, но когда пустое сотрясение воздуха перерастало в угрозу, становилось довольно жутко.

После больницы я оказалась на улице. В доме Стембольских мне были больше не рады. Водитель их семьи привез мои вещи, собранные в небольшой чемодан. Внутри к моему небольшому гардеробу прилагалась лишь безымянная записка: «Ушла с тем же, с чем пришла. Остальное отправлено на мусорку».

Боль глухим стуком отдается в сердце при одном лишь воспоминании об этом времени. Сегодня мне необходимо сдать срочный заказ, клиент нетерпелив и очень настойчив, дедлайн установлен на два часа дня. Поэтому пора выдви-

гаться в сторону дома.

Покидаю группу, не прощаясь. Мама Петьки весьма красноречиво дала понять, что не желает со мной никакого общения. Ну что же, и я себя не на помойке нашла, поэтому молча захопываю ящик сына и выхожу на улицу.

Ветер обдувает мое лицо, и я на мгновения прикрываю глаза. Стою и наслаждаюсь обыденным. Таким давно забытым. Солнечные лучи пробиваются сквозь пушистые облака, я немного жмурюсь от яркого света.

На территории детского сада довольно миленько. Новые веранды, песочницы – и все на средства главного спонсора в лице Петькиного папы. С одной стороны, хорошо, действительно, какая разница благодаря кому все здесь это появилось, с другой – довольно яркое напоминание о том, кому все теперь обязаны своими голосами. Эффективный способ организации предвыборной кампании. Только в одну нашу группу ходит тридцать детей, на каждого в среднем по одному родителю, а если повезет и два. А если помножить на количество всех групп детского сада, уже приличное нужное большинство.

За всеми этими рассуждениями не замечаю, как довольно быстро преодолеваю путь от детского сада до дома. У подъезда немного медлю. Ищу ключи.

– Здравствуй, Рина, – раздается хриплый баритон... Яна из-за спины.

Руки сразу дрожат. Ключи падают на тротуар. Вот и вы-

полнила срочный заказ, называется. Мало того, что уйти просто нельзя, так еще и мой внешний вид оставляет желать лучшего...

«Почему люди такие дураки?» – задаю вполне серьезный вопрос сама себе, пока перед глазами пролетают те воинственные пять лет в одиночестве и материнстве.

Да потому что я и есть одна из них! Та самая дура, что не умеет вовремя выстраивать баррикады. Отгораживаться и вовремя заземляться.

Мой голос дрожит, но я старательно держу тон. Чужой. Отстраненный.

– Приветствую, – безэмоционально проговариваю и разворачиваюсь, окидывая свое прошлое безгловым взглядом. – В чем дело?

– Не буду повторяться, – принимает мою шпильку равнодушно Ян, а затем продолжает: – Нам надо поговорить. Я настаиваю.

Он прикасается ко мне и берет за запястье, меня словно прошибает током сегодня, как в тот день, когда у нас было первое свидание.

Прикусываю себе язык, чтобы не задать встречный вопрос: «О чем?»

Слишком много подводных камней в нем. Слишком явно можно нарваться на то, что никогда не хотела раскрывать Стембольскому.

– У меня работа. Срочный заказ. Я не могу, – отвечаю на одном дыхании и выкручиваю руку из его крепкого захвата.

– Рин, это не серьезно. По-детски. Не считаешь? – перехватывает снова мою руку и теперь держит крепко.

– Не считаю, – огрызаюсь, а в душе буквально уже ору и пытаюсь сообразить, как от него отделаться.

Потому что я больше не выведу то, что пришлось мне пережить. Потому что больно вспоминать все эти годы, когда меня уничтожили и мое будущее одним росчерком пера на бумаге. Потому что Сашку, такого замечательного, он не заслуживает, как и его стервозная мамашка.

– Ян, нам нечего обсуждать. Я ни видеть, ни слышать о тебе не хочу.

– Что так? – Стембольский поднимается на одну ступеньку, и наши взгляды скрещиваются, а мне хочется превратиться в лужицу и стечь на тротуар. От того, насколько он близко, от того, насколько аромат его парфюма с древесными нотками меня волнует.

Бежать. Бежать, не оглядываясь.

Желательно переехать! Чтобы никто не смел больше тревожить мое душевное спокойствие, которое я вырвала практически зубами у затейницы судьбы.

– Руку убери, – смотрю так, чтобы ему стало не по себе. – Стембольский, твое время давно прошло. Ты как-то же обходился раньше без бесед со мной?

Вижу, что бесится. А я на волне такой удачи продолжаю

наступать и бить наотмашь:

– И не смей сюда приходить. Той меня больше нет. Нет нас. И ничего меня с тобой больше не связывает!

Мысленно представляю, что плюю через левое плечо. Все-таки умение правильно формулировать мысли лишним не бывает. Но сейчас, когда я так расстроена и переживаю, сложно отдавать отчет всем словам, что буквально рвутся наружу.

– А ты изменилась!

В его глазах искрят молнии.

– Учителя хорошие, – и тут меня уже прилично кроет оттого, что я словно героиня мелодрамы и отыгрываю банальную сцену с бывшим.

Он будто читает мои мысли, и на лице расплывается довольная и плотоядная улыбка.

– Репетировала? Неплохо, но не верю.

Гад. Нашелся тут Станиславский.

За спиной раздается звук открывающейся подъездной двери и пиликающего домофона. Я здороваюсь с соседкой с пятого этажа.

– Доброе утро, Мариночка, – заливается соловьем главная сплетница нашего подъезда.

Надо же, как неудачно все сложилось, теперь просто так от нее не отделаться. Хотя... Шальная идея заставляет улыбнуться во все тридцать два зуба. Жаль, что природная мудрость не смогла меня защитить от такого необдуманного ша-

га, как замужество со Стембольским.

– Галина Тимофеевна, дорогая!

Женщину передергивает, но мне совершенно плевать, что сейчас она думает обо мне.

Не зря столько лет я терпела ее нападки в свой адрес, теперь пришел ее черед отдуваться.

– А вот товарищ как раз по вашему вопросу пришел. Интересно, какие проблемы и нужды есть в нашем доме. Правда, Ян Эдуардович?

Вижу по глазам Стембольского, что еще немного – и будет совсем не до разговоров. Он просто меня прибьет и камня на камне не оставит от дома.

– Что, правда? Не может быть! – лицо соседки озаряет улыбка, затем эмоция сменяется на неподдельную заинтересованность. – Неужели там у вас наконец прочитали все мои жалобы, которые я писала на нашу домоуправляющую компанию?

– Вы сориентируйте человека, Галина Тимофеевна. Не все ваши жалобы до него дошли. Введите в курс дела. А мне пора.

Не даю никому опомниться, быстро орудую ключами, отбивая магнит домофона, и скрываюсь за дверь.

Дома под ударной дозой кофе мне удастся сконцентрироваться и выполнить срочный заказ. Формирую файл и выкладываю клиенту точно в срок. Мое имя и репутация не должны пострадать. Рейтинг копирайтера формируется от высо-

кой оценки и положительного отзыва, оставленных заказчиком.

За сыном мне идти только через четыре часа, поэтому встаю из-за стола и собираюсь принять душ. Три часа бойкой работы в сидячем положении не идут на пользу. Тело занемело, и спина неприятно ноет.

Смартфон пиликает сообщением. Снимаю блокировку и вижу, что мне пишет какая-то девушка. Всматриваюсь в фото и не верю своим глазам. Перечитываю ее имя – Розалия Шипина* – и понимаю, что это точно она! Моя подруга. Наши пути разошлись несколько лет назад. В этом тандеме я была старшей. Но я действительно любила Розу и уже не надеялась ее найти, особенно после того, как общение прервалось.

Дрожащими от волнения руками пишу ответ на запрос о дружбе и содержательное сообщение в социальной сети:

«Лийка! Как ты выросла, похорошела! Конечно, я тебя помню».

Слово за слово, и мы договариваемся о встрече. Сегодня. В парке.

Сашка невероятно будет рад. Он очень любит аттракционы и небольшой прудик на территории центрального парка. В приподнятом настроении начинаю собираться и обдумывать, в чем пойти.

Время пролетает быстро. Я успеваю забрать сына из сада. Купить по пути в кондитерке свежесдобитую плюш-

ку, присыпанную сахаром. По пути мой мальчик рассказывает про все события, случившиеся с ним за день, опуская тему Петьки, бывшего друга. И только сейчас я ловлю себя на мысли, что Ян больше не звонил и не караулил меня у дома.

Хорошо, просто замечательно! Пусть так все и остается. Без него.

У входа в парк взглядом цепляюсь за модную столичную штучку. Лийка никогда такой не была раньше. Обычная девочка. Как и я. Из простой семьи. Неизбалованная, без напускного лоска. А тут же действительно как будто меня окликнула заплутавшая иностранка, а не подруга.

На девушке короткая джинсовая юбка, черный топ на тонких бретельках и новомодные белые сникерсы. Сплошные бренды, кричащие о ее статусе и положении. Изящная. С длинными распущенными волосами а-ля «влажная укладка».

Чувствую себя некомфортно на фоне Лийки. Я даже так не тяготилась от напыщенной мамы Петьки. А сейчас рядом со знакомым человеком засосало где-то под ложечкой, что прошлая я никогда бы не испытала подобного стеснения.

– Лийка! – тяну сына за руку и улыбаюсь.

Отбросив все условности и наплевав на прохожих, обнявшись, мы скачем и целуемся, смеемся и плачем одновременно. Мы не виделись так давно. Столько всего произошло за эти годы, и вот наша неожиданная встреча состоялась.

– А как же твоя Англия? Почему ты вернулась? – засыпаю

подругу вопросами.

– Может, в кафе?! – предлагает Лийка, а затем переводит заинтересованный взгляд на сына. – А это кто? Брат?

К моему удивлению, Сашка даже не обижается, а наоборот, вздергивает горделиво нос. Скорее всего, рад, что мне прилетел комплимент. Ведь не каждой маме скажут о брате, хорошо, если не внуке.

Когда мы располагаемся за столиком на летней веранде кафе, сняв с плеч ляжки привычного тяжелого мамского рюкзака, я облегченно выдыхаю и отвечаю на вопрос:

– Сын, – и понимаю, что нужно пояснить Лийке о своем семейном положении. – Я не замужем.

Саша очарован подругой и в своей манере засыпает кучей вопросов девушку. Она благодушно улыбается моему непоседе. И, не игнорируя цунами под названием «Дети», четко отвечает и по существу. Мальчик с благодарностью и восхищением смотрит на Лийку.

Как многое нам хочется обсудить – я вижу по глазам девушки, что она еле сдерживается, так как рядом ребенок. И тут чистое везение: из внутреннего здания кафе выходит аниматор – клоун.

– Мам, хочу, хочу.

Сашка молниеносно срывается с места без моего одобрения, решив за нас двоих, что можно. Я недовольно фыркаю, но позволяю сыну разбавить веселую компанию детей, которые пришли со своими родителями. Не устраивать же ребен-

ку показательную порку...

– И часто он так отрывает тебе руки? – Лийка не жалеет меня и задает вопрос в лоб.

Наверное, в этот момент я краснею как помидор. Чувствую, как щеки горят и становится резко жарко. Неужели так заметно, что я не справляюсь?

– Саша – хороший мальчик, – поясняю и оправдываюсь, сама не зная почему, – но я немного перестаралась со своей любовью. Стараюсь заменить ему отца, балую, ни в чем не отказываю. Но не будем о нас, как ты?

– Я вернулась домой, чтобы мстить, – серьезно и безэмоционально заявляет подруга.

Я даже забываю, что хотела еще спросить, и начинаю свои привычные рассказы о всепрощении. Хотя сама вот ни разу не смогла забыть и отпустить.

Лийка слушает и молчит, а затем задает главный вопрос, к которому я не всегда бываю готовой, даже несмотря на то, что прошло уже долгих пять лет:

– И что ты скажешь сыну о бывшем, когда он спросит? Наверняка уже спрашивал, я права?

Рука сама собой зависает в воздухе. Не сказать, что Лийка попала в точку, больше надавила на больную мозоль.

Сашка много раз спрашивал, кто его папа, и, ничего не придумав лучшего, я тогда соврала. «Ученый-путешественник», – окрестила так глупо и по-детски бывшего, отправив его на ледоколе к недостижимой для простых смертных Зем-

ле Франца-Иосифа.

Я вижу по глазам подруги, что она не сильно одобряет неправду. Моя жизнь задевает и триггерит девушку, возможно, даже больше, чем меня. Роза сдерживается и поддерживает. Как может! Но разве это не бесценно? Меня впервые не осуждают, не говорят в лицо, что я идиотка, потому что могла все это время доить с Яна неплохие алименты, нервирова заодно его мамашку.

– Ты все делаешь правильно! – подруга улыбается, и только сейчас я замечаю, что это все напускное. В девушке приоткрылся настоящий ураган ее личных бед, о которых она не хочет вспоминать. – Если тебе нужна помощь, и финансовая в том числе, я всегда готова помочь.

Киваю согласно и тут же протестую:

– Что ты, не надо! Я хорошо зарабатываю, нам с Сашей хватает на жизнь.

Да, я не могу позволить себе дорогую брендовую одежду, я давно не была на море, но это не главное. Я оплачиваю небольшую квартирку, зато свою. Регулярно делаю сыну подарки и покупаю новую мальчишковую одежду. Детские праздники с друзьями, подарками и аниматорами тоже являются неотъемлемой частью жизни сына. Я откладываю деньги. Завела специальный счет – накопительный. У нас с Сашкой все хорошо, просто замечательно.

Думаю, все это отражается на моем лице сразу, потому что Лийка быстро идет на попятную:

– Ты просто знай, что тебе есть к кому обратиться.

– Спасибо большое, – с благодарностью проговариваю и наконец-то с аппетитом отправляю в рот тончайший чизкейк, украшенный свежими ягодами.

Счастливые и довольные после кафе и аттракционов, мы прощаемся с Лийкой. Обмениваемся всеми возможными контактами. Делаем несколько снимков у фонтана, под сводом белоснежной арки и у главного входа в парк. Затем подруга вызывает нам с сыном такси, и мы едем домой.

Когда машина останавливается у нашего подъезда, я не сразу замечаю перемены. С небес на землю меня опускает восторженный вопль родного человечка.

– Ух ты! – кричит Сашка и указывает рукой в сторону новой клумбы – вершины ландшафтного дизайна.

Первая мысль была, что таксист перепутал адрес и подвез нас к чужому дому. Но нет, мужчина не ошибся. Взглядом я упираюсь в нашу привычную скамейку, на которой так любят восседать престарелые соседки. Вот и урна с боковой пробоиной, стоит на прежнем месте, но клумба...

Такие кардинальные перемены бросаются в глаза не мне одной. Соседи зависают у клумбы, а затем достают телефоны и начинают фотографировать. Сначала цветы, затем себя на фоне нового уютного растительного уголка.

– Кто тот сумасшедший, решившийся на такое? – озвучивает вслух свой вопрос Екатерина Арсеньевна из тридцать пятой квартиры.

Я киваю согласно. Ведь еще утром на этом самом месте торчал любимый огородик в городской среде Галины Тимофеевны. У женщины здесь каждый год традиционно растет зелень, а также острый перец и лекарственные цветы.

Подъездная дверь распахивается, и я вижу соседку и ее лицо... заплаканное, немного отекающее, особенно в районе верхних век.

– Это все ты! – чуть ли не с кулаками на меня набрасывается женщина, а спасает меня все та же Екатерина Арсеньевна, заслонив своей широкой и большой грудью.

Сашка не на шутку пугается и начинает плакать.

– С ума ли ты сошла, Галка?! Девушка тут при чем?

Я тоже не понимаю такой бурной реакции. Сжимаю ладошку сына еще сильнее, стараясь его успокоить.

– Вы можете нормально объяснить, в чем дело?! – уже я решаю за себя вступить и прояснить непонятную ситуацию.

– Приходил этот твой деловой и расфуфыренный! Его рук дело! – злобно цедит женщина, с ненавистью поглядывая на раскинувшуюся оранжерею под окнами дома.

И только сейчас до меня доходит смысл сказанного соседкой.

Ян! Это сделал он.

– Вижу, ты в курсе, – продолжает злословить женщина, нападая.

– Вы в своем уме? – не выдерживаю и активно защища-

юсь. – Я впервые в жизни его видела, как и вы! – очередная маленькая ложь во спасение. Гореть мне в аду.

Не хватало, чтобы в этих домыслах участвовал еще и Сашка.

– А вообще я не понимаю, чего вы возмущаетесь. Люди из администрации позаботились, за свой счет устроили такую красоту. Не все на ваши перцы смотреть, и другим польза – эстетическое удовольствие. Снимает стресс.

– Хамка! – выкрикивает Галина Тимофеевна. – Еще и сына учишь старшим перечить. Понарожают в одиночку, потом вот учат не тому, чему нужно. Такие вырастают и потом уничтожают чужой человеческий труд.

Хочется поспорить насчет уничтожения. На одной чаше весов абы какие грядки Тимофеевны, на другой – миксобордер в сочетании с каменным садом. Красота же, пусть и искусственно высаженная.

– Все залью. Загниют! – желчь так и сочится из женщины, и это отрезвляет.

– Что же вы жалобы на всех пишете, вам мало? Теперь и с цветами решили бороться?!

– Мам, я устал, – тянет меня за руку Сашка, и я смотрю на ребенка с нежностью.

Бедный, приходится быть свидетелем этой нелепой сцены. Такой насыщенный день не хочется завершать на негативной ноте. Я предлагаю соседке из тридцать пятой квартиры нас с сыном сфотографировать на фоне нового дворового

цветущего садика.

А то и в самом деле эта Тимофеевна тут все уничтожит. Надеюсь, виновник содеянного не заявится сюда сейчас. Хотя Яна Стембольского в моей жизни стало непозволительно много. Даже цветы, если уцелеют, яркое напоминание о его визитах к нашему с Сашкой дому.

Глава 6

Ян

Марина ускользает от меня так быстро, что я не успеваю сообразить, как попадаю в лапы прожженной сплетницы-ма-разматички. Бабулька весьма заинтересованным взглядом сканирует мою одежду. В ее в глазах так и мелькают ценники, и она готова выжать из этой беседы максимум.

Я долго и нудно выслушиваю обо всех соседях, но меня интересует только одна жительница, и я упрямо перевожу наш разговор в нужное для меня русло.

– А как давно вы знаете Вельскую? – нарочито деловым тоном задаю вопрос и жду, когда эта престарелая дама начнет вещать о том, что интересует меня напрямую.

– Маринку, что ли? Так недавно совсем, милый, – тянет бабулька и, не теряя времени, берет меня старческими пальцами за локоть.

Держу лицо. Улыбаюсь. Сдержанно. Настолько сдержанно, что Франклин со столлларовой купюры на моем фоне смотрится сущим клоуном.

– Ее бабулька, Клавдия, как померла, так и девку-внучку эту принесло. Я грешным делом думала, что по кобелям побежит. Специально разузнала все ее данные, чтобы, если что, участковому сразу сигнализировать. А она как затворница. Беременной оказалась. Нагулялась, поди, уже. Хотя молодая

же. А уже в подоле...

Титаническими усилиями деликатно отстраняюсь. Внимательно всматриваюсь в лицо этой женщины и безнадежно пытаюсь отыскать хотя бы какие-то признаки ума. Противно. Мерзкая тетка.

– Ну а муж что же?

– Кто?

– Муж есть у Вельской? Вот и сын же имеется – Саша.

Бабка подозрительно прищуривается, и тут я понимаю, что в ее голове уже прокручиваются ржавые шестеренки, начинает что-то подозревать.

– Я вот смотрю, мужчин немного в вашем доме. Урны дырявые, штукатурка с потолков сыплется, окна перекосило.

Неимоверными усилиями пытаюсь усыпить бдительность соседки Марины.

– Так кому надо! – возмущается бабулька. – Управляющая компания носом воротит, мол, у них на участке много таких домов – старых. Счета присылают на капитальный ремонт. Я плачу исправно, каждый месяц. И что! Никому ничего не надо. Электрощиты в доступе открытом. В подъезде вечно молодежь ошивается. Участковый как на работу к нам ходит.

– Не без вашей помощи, – ехидно подмечаю и понимаю: нужно что-то срочно придумать и прекратить это пустословие. – Может, у вас сохранилась копия вашей жалобы, где все проблемы изложены подробнее.

– А как же! – восклицает бабулька. – У меня все на кухне

в шкафу, сейчас принесу.

Женщина гарцующим пони скачет к себе восвояси. Мне наконец-то удается разложить все в своей голове.

Не могу дать объяснений, почему преследую Марину. После всего, что случилось, ее бы придушить при встрече, а я, как щенок на поводке, несусь следом, за хозяйкой и сладким куском в перспективе.

Галина Тимофеевна быстро возвращается и трясущимися руками передает мне важный документ, который старательно выписывала не меньше часов трех, если не больше. Учитывая, что содержимое жалобы расплзлось на десять листов убористым почерком, претензий у этой дамы хоть отбавляй.

Я бегло просматриваю суть претензий и прихожу к мысли, что все не так плачевно, как кажется на первый взгляд. Но стоит пораскинуть мозгами и подумать, с чего начать, чтобы иметь возможность приходить сюда, и не раз. Пока не разберусь, за каким лешим меня тянет к Вельской.

Скупно прощаюсь с женщиной. Жалобу забираю с собой.

Сажусь в машину и прошу водителя отвезти меня на Сенную. Там планируется чисто дружеский визит к семейству Утесовых. Только тогда и хватило сил самому сесть за руль. С Риной и ее сыном было не страшно. Мальчик меня очень отвлекал от навязчивых мыслей, и это, как ни странно, помогло...

Машина заезжает во двор бизнесмена Виталия Утесова. Я выхожу из салона и зависаю...

Как такое возможно? Где вычурные дворцы и особняки?

Вместо напускного великолепия в соснах притаился небольшой домишко. Из клееного бруса. На открытой веранде покачиваются белоснежные занавески, качели, а сбоку к дому пристроен узкий бассейн. На центральном подъеме ступеней к веранде – цветы в горшках. Много цветов.

Дверь распахивается, и навстречу мне выходит девушка.

Первое, что бросается в глаза, ее босые маленькие ступни. Я скольжу взглядом от ее ног и выше и натываюсь на весьма внушительных размеров округлившийся живот. Смуглолицая, с копной вьющихся волос и кошачьими глазами. На ней простое льняное платье в пол. Девушка мне улыбается.

И я такой в костюме и при галстукe – нарушитель спокойствия.

Мой деловой стиль совершенно не вписывается в эту атмосферу умиротворения и тишины. Каменные джунгли города приучили к другому – шуму и суете, работе допоздна.

– Ян, приветствую, – проговаривает этот практически ангел и вкладывает свою руку в мою ладонь. – Виталий просил подождать, он скоро будет. Поднимемся на веранду?

Я моргаю как идиот и начинаю осматриваться по сторонам.

А затем соображаю, что не пристало вот так стоять и тупить. Растерянно пожимаю женскую хрупкую ладонь.

– А вы? – решаю уточнить, как зовут эту нимфу и хранительницу домашнего очага, но не успеваю услышать ничего в

ответ, как из дома выбегают две белокурые девочки лет пяти.

– Ма-а-а-м, – тянет одна из девочек и потом прицельно смотрит на меня заинтересованным взглядом. – Это папин гость? А он останется на музыкантов?

– Ян, простите, они такие непоседы. Не могут устоять, когда видят новое лицо среди коллег и друзей мужа, – она машет рукой и приглашает подняться.

Я, словно замороженный, иду следом, у подножия ступеней борюсь с желанием разуться прямо тут. Боязно даже городской пылью замарать этот оплот чистоты.

Девушка словно читает мои мысли и просит не стоять внизу, а подниматься и присаживаться за обеденный стол.

– Может, вы снимете пиджак? Жарко.

Я морожусь и пытаюсь понять, насколько будет прилично встретить потенциального делового партнера вот так «без купюр».

– Папа не будет ругаться, – проговаривает вторая девочка и тянет меня за рукав пиджака. – Меня Надя зовут, а ты красивый.

– Доченька, Ян взрослый мужчина и сам решит, как ему удобнее, – она прячет улыбку, отворачиваясь. И это жена одного из влиятельных людей?

Перед этой встречей моя помощница собрала некоторую информацию о семье Утесовых. Странно, что я не запомнил имени жены Утесова. Но одно дело читать о том, как эта пара прошла испытания на затерянном острове где-то в райо-

не Карибов, и другое – лицезреть то, что предстало моему взору.

Где-то в душе запекло неприятно, и меня откинуло мыслями в прошлое. Жена Утесова, как и Марина, старалась сделать уютным то место, где находится семья... Может, поэтому без своей женщины мне не хотелось больше никаких отступлений от действительности.

Из родительского дома я съехал сразу, как восстановил двигательные функции. Мать просила остаться, но я не мог. Это было выше моих сил. Этот дом напоминал как о счастье, так и о беде, что произошла тогда, пять лет назад, когда я не справился с управлением, потому что мне что-то подсыпали в чашку с кофе. Я, словно одурманенный, управлял машиной и помнил только громкий хлопок и крик Рины.

А затем последовала непроглядная чернота с такой же нестерпимой болью.

– Ян, все в порядке? – вырывает приятный женский голос из дурмана плохих воспоминаний.

Не в порядке у меня ничего. Прострация. И непонимание происходящего. Почему чужое пространство на меня так пагубно действует и отбрасывает в прошлое?

– Хочешь булочку? – я оборачиваюсь на детский голос и всматриваюсь в лицо второй кнопки – Веры. – Мама пекла сама. С корицей, очень вкусные.

Корица...

Киваю и тяну носом, как собака-поисковик, воздух. Аро-

мат сшибает и вновь напоминает о прошлом.

Рина первые месяцы старалась проявить заботу и привыкнуть к новой важной роли – жены.

На подкорке всплывают такие давно забытые воспомина-ния бывшей в фартуке с рыжим котом на желто-полосатом фоне. Она переминается с ноги на ногу и создает какой-то кулинарный шедевр. Мука, соль, ванилин и корица...

В ее движениях столько грации, как будто не готовит, а летает. Улыбается, а глаза горят предвкушением моей ответ-ной реакции.

Через полчаса вместо шедеврального пирога я слышу, как доносится плач из кухни, и звуки битой посуды заставляют сорваться с места.

Может, обожглась или порезалась?

Ни первое, ни второе.

Пирог взорвался. Содержимое знатно растеклось по внут-ренности духовки. Запах горелого вперемешку с пряным – корица.

Рина сидит на полу и рыдает практически навзрыд. Ниче-го не могу придумать лучше, как пройти и открыть окно.

Затем присаживаюсь на корточки, веду пальцем по запач-канной поверхности дверцы духовки. Слизываю полугото-вую жижу. Катаю на языке нежное послевкусие бисквитного теста и чувствую на себе взгляд жены.

– Интересно получилось, – даю оценку ее стараниям и подмигиваю. – Рин, забей. Так бывает. Все хорошо.

Она больше не плачет. Смотрит с благодарностью.

И тут башню срывает обоим. Мы цепляемся друг за друга руками. Путаемся в ляжках ее задорного передника. Смеемся и снова начинаем этот невероятный забег с препятствиями. Под мое яростное сопение. Под ее тихие стоны. В общем... Было не до уборки и ужина. Вечер секса плавно перетек в безудержную ночь. Я как сумасшедший, у которого срывает предохранители, не хочу останавливаться. Рина же... отвечает со всей ей присущей страстью и пылкостью.

– Нравится? – Вера заглядывает мне в глаза, и я понимаю, что уже как с минуту жую сдобную булку, прикрыв глаза в блаженстве. Наслаждаюсь не только выпечкой, но и воспоминаниями о бывшей.

Давлюсь.

Ну что я за идиот? Может, пора к психологу?

– Ян, выпейте, – предлагает радушная хозяйка, наливая из заварника в кружку чай.

Прокашливаюсь и понимаю, что чая одного мне мало. Может, чего покрепче?

– Папа, – кричит Надя, а я почему-то вздрагиваю.

Я тоже мог бы давно быть в статусе отца! Но разве она сохранила нашу семью?

Бросила. Испугалась. Предала.

Тяну узел галстука. А может, у них и кислородный баллон имеется? Пока у меня, как у астматика, не перекрыло дыхание. Душно. Какой болван придумал этот деловой стиль?

Плевать, в другой раз обязательно одеваюсь по погоде, не загоняя себя в рамки.

Виталий Утесов выворачивает откуда-то из сосен. Теперь я ощущаю себя не просто жалким, а идиотом в кубе. На мужчине легкое поло и подвернутые до колен летние брюки. В шлепках. По-пляжному. С широченной улыбкой от уха до уха. Модной стрижкой.

И как его только комары не загрызли? Может, у него какая-то особенная группа крови?

А нет!

Утесов хлопает себя по шее, отгоняя назойливых насекомых. Значит, такой же смертный, как и я. Тогда легче. Тогда все шансы найти общий язык.

– Ян, добрый день, – приветственное рукопожатие, когда Виталий приближается ко мне.

И как только наши руки расцепляются по две стороны от него, на его кистях виснут дочери. Вера справа, Надя слева.

Идиллия.

Я смотрю на женщину и замечаю, что она просто на седьмом небе от счастья, глядя на эту троицу.

Почему же меня так ломает? Нервирует. Завидую или бешусь? Вот в чем вопрос...

Глава 7

Дома все валится из рук. Вода в чайнике выкипает, едва успеваю спасти творожную запеканку, которую так любит Саша, разбиваю свою любимую чашку.

– Не считай ворон, – назидательно делает замечание сын, отламывая кусочек лакомства под слоем сгущенки.

– Сама не знаю, почему так... – говорю это вслух, не скрываю ничего от своего ребенка. Я часто говорю сыну все, что у меня на уме. Конечно, мне не хватает взрослого собеседника. Поэтому я очень радуюсь прошедшей встрече с Лийкой.

Когда Сашка доедает все до крошки, я убираю со стола. Закидываю посуду в маленькую посудомойку. Читаю сыну сказку, целую в лоб и провожу рукой по его густым вихрям.

Всматриваюсь в спящее личико Сашки и удивляюсь такому внешнему сходству с его отцом.

Тут разве только слепой не заметит, что они похожи.

А Ян не заметил этого тогда, в машине. Потому что удобно не замечать очевидного. Легче верить тому бреду, что сфабриковала его мамашка. Я даже не стала тогда вникать, чем она объяснила мое исчезновение из его жизни. Нельзя было. Иначе бы Ильина приложила все усилия, чтобы я осталась не только без мужа, но и без ребенка.

Выхожу в кухню. Хочу отвлечься от тяжелых воспоминаний, которые разъедали изнутри долгие годы нашего одино-

чества с Сашкой. Да, мы были друг у друга, и я практически свыклась с тем, что моему ребенку не суждено расти под сильным и мужественным взглядом Яна.

Руки сами тянутся к телефону, и я начинаю искать любую информацию о Стембольских. Вот родители Яна на какой-то презентации фешенебельных вилл на отдаленных островах. Ильина как всегда в безупречном наряде: красный брючный костюм, волосы собраны в тугий пучок, и трость... На лице никогда нет улыбки. Строгость во взгляде. Что отец Яна в ней нашел? Провожу подушечкой пальца по экрану и приближаю изображение старшего Стембольского. Модельная стрижка, брендовый костюм с галстуком-бабочкой и смеющийся взгляд, на губах застыла полуулыбка. Интересно, он тоже с легкостью поверил в версию жены, вот так, не разобравшись, доверился ей и позволил рушить жизнь собственного сына?

Затем, просматривая новости, вижу, что практически не было никакой новой информации о самом Яне. Старые статьи лишь пестрят заголовками о том злополучном ДТП и долгой изнуряющей реабилитации. Как же так СМИ пропустили возвращение в страну сына одной из влиятельнейших персон столичного бизнеса?

Бесконечные ссылки, переходы по ним и мерцающий экран телефона в темноте наконец меня выбрасывают на какую-то фотосессию в Европе.

На фото Ян играет в гольф, а рядом с ним в спортивной

форме призывно улыбается незнакомая девушка. Я не сильна в мире гламура и шоу-бизнеса, но внутреннее чутье подсказывает, что стройная красавица с яркой модельной внешностью явно оттуда. Делаю скрин и по поиску картинки пытаюсь узнать ее личность.

«Милена Перфильцева – вице-мисс мира, дочка нефтяного магната Анатолия Перфильцева».

Сказать, что я была расстроена, ничего не сказать. Голова уехала в плечи, а глаза заволокло слезами. Я стоически пытаюсь не моргать и часто дышать. С какой стати меня так взволновала эта фотосессия?

Подумаешь, мой бывшей придерживает за талию эту элегантную шпалу. Она призывно улыбается ему в ответ, а за их спинами открывается шикарный вид на оливковые и цитрусовые рощи, высокие холмы...

Сглотнув и смочив слюной пересохшее горло, я не жалею себя и продолжаю ковырять давно засохшую корку на старой ране.

Под фотографиями простая подпись: гольф-поле «Греческие дюны».

И тут меня прошибает озноб. Ян всегда любил Грецию.

Муж говорил, что только там его место силы, где он чувствует себя в ресурсе и готов покорить любую вершину. Мы давно планировали поехать туда вместе. Накануне поездки я узнала, что беременна, и мне необходимо было пройти обследование. Маленькой я упала зимой в прорубь на озере и

сильно переохладилась. Врачи тогда давали неутешительные прогнозы, особенно о таком природном процессе, как материнство. Я не хотела спешить и думала сообщить Яну только тогда, когда буду уверена, что с ребенком все хорошо и ничего ему не грозит.

Как я ни сдерживаюсь, а слезы срываются с ресниц и болезненным жаром стекают по щекам.

Боль. Не прошла. Даже спустя пять лет.

Я смотрю в телефон расплывчатым взглядом. Я была уверена, что моя зависимость прошла. От Яна. От нас.

Ошибаюсь в очередной раз.

Не отболело. И кто придумал, что душевные раны лечит время? Суший обман.

Вся моя попытка стать счастливой с любимым мужчиной рассыпалась, словно карточный домик, который я любила строить в детстве.

Соскребаю себя со стула. И выхожу в коридор. Накидываю палантин, что остался от бабули, на плечи. Проверяю, как спит Саша.

Сынок спокоен. Его ровное и тихое дыхание дает зеленый свет на то сумасшествие, что поселилось в моей голове.

Я выхожу из квартиры. И спускаюсь к злополучному палисаднику. Красивому решению ландшафтного дизайнера.

Двенадцатый час ночи. А я здесь. Туплю и рассматриваю в лунном свете цветы.

Не могу разобраться, зачем ему потребовалось все это.

Почему не прошел мимо? В его идеальной жизни больше не было простушки Марины. Все ровно так, как хотела его семья. В частности Ильина – его мать.

Холостой миллиардер, не отягощенный ничем: ни женой не из своего круга, ни ребенком, что должен был родиться под фамилией Стембольский.

Сашка Вельский. Как и я. Отчество я взяла своего деда. Валерьевич.

Приближаюсь ближе к металлической ограде. Провожу пальцами по холодному крепкому металлу. Использую как опору. Потому даже сейчас я чувствую себя незащищенной. Разбитой и уничтоженной. Все то, о чем я мечтала, пошло прахом. В груди теплилась лишь одна надежда. Что Стембольские равнодушно проигнорируют наличие внука. И, возможно, Ян женится? Да хотя бы даже на той же Шпале. И настрругает им своих, правильных внуков. Чистой крови. Знатного и богатого рода.

– Нравится? – раздается в тишине ночи.

Я боюсь дышать и тем более поворачиваться.

Бежать некуда. Да и было бы глупо рассчитывать на то, что он позволит это сделать.

– Зачем ты здесь? – глухо роняю и не оборачиваюсь.

Нельзя смотреть ему в глаза. Мне никогда не удавалось выдерживать натиск его янтарного взгляда.

Он прокашливается. Как будто собирает с мыслями, а затем выдает очередную отговорку:

– Дизайнер предложил внести изменения в проект.

– Это же какие? – уже более язвительно проговариваю. –

Белку посадить в хрустальном дворце с золотыми орехами? Стембольский, – отгораживаюсь официальными нотками в голосе, – к чему такой апофеоз в спальном районе, для обычных людей? Или...

Вдох-выдох.

Набираюсь сил, чтобы максимально жестко отбрить нового дворового мецената.

– Или это очередная предвыборная кампания? В депутаты метишь? Ой, прости, в мэры?

– Рина, что не так? – хладнокровно спрашивает, как будто проводит анкетирование.

А мне хочется развернуться и врезать ему. За его вопрос: «Что не так?»

Все не так, Стембольский. И лучше бы тебе идти в свою красивую богатую жизнь и не мешать простым смертным проживать ту единственную жизнь, что предназначена им судьбой.

– Думаешь, кинул свою дизайнерскую клумбу, как кость собаке, и все рассыпались в признательности?! У Тимофеевны тут был огород. Она ковырялась в своих грядках с утра до вечера. Сеяла. Высаживала рассаду. А что теперь? Ты отнял у человека смысл жизни. Единственный. Помрет еще.

Я довольно откровенно и хлестко выплевываю каждое слово. В надежде его прогнать.

По правде, мне нравится клумба. Даже очень. Уютная красота в убогом старом дворе. Яркий участок иной жизни – без бед и горестей, маленький рай.

– Ты, Стембольский, так и не научился одному! – продолжаю словесно наступать, а спиной чувствую, что он подходит ближе.

Табун мурашек стремительно несется вдоль позвоночника, и хочется уже заорать, насколько это больно – чувствовать его вот так, как в ту ночь, когда у нас случилась первая близость.

– Интересно, чему?

– Согласовывать с другими свои планы!

В панике я пытаюсь отстраниться, и он сразу понимает, что к чему, и успевает меня остановить.

Я продолжаю стоять спиной. Никакого зрительного контакта, иначе это будет полный провал и мое очередное поражение.

– Отпусти, Ян, – мучительно выдыхаю и продолжаю словами бить наотмашь: – Все в прошлом. Я тебя больше не люблю.

Мы стоим на темной улице. У шикарной клумбы. Он нависает надо мной и упирается подбородком в макушку, крепко держа руками мои плечи. Я не смею дернуться и утопаю в этих ощущениях. Он по-прежнему пахнет тем Яном. Древесные нотки его парфюма обжигают похлеще настоящего огня.

Я знаю, о чем он думает сейчас. Это очевидно. Именно тогда. В нашу первую ночь. Я боялась перейти грань и больше себе не принадлежать.

Так и вышло. Яна я не смогла заменить никем. Забыть тем более.

Была единственная жалкая попытка переспать с малознакомым мужчиной, но ничего не вышло. Постыдно сбежав с чужой территории, я решила, что больше никогда, никогда себя не буду заставлять и принуждать. Особенно к близким отношениям с мужчинами.

– Не могу, – выдыхает он, и я слышу, как сбивается его дыхание.

От меня? Обманывает или подыгрывает? Не верю.

Вырываюсь из крепких мужских объятий, перехожу на бег и прячусь в подъезде. Ян совсем чуть-чуть не успевает меня догнать. Слышу глухой стук в подъездную дверь и сползаю на пол. Ян что-то громко говорит. Но я словно оглохла, ничего не могу и не хочу разобрать.

Я запретила себе вспоминать, любить и надеяться. Жизнь Саши стояла на кону, и на тот момент это было важнее. Разве что-то изменилось сейчас? Нет!

Ребенок на первом месте, а личное... Обойдусь без него.

Домой возвращаюсь вся на нервах. Руки трясутся, ноги не слушаются. Сама виновата. Нечего было по ночам шляться. Но кто мог предположить, что Стембольский в такое время сидит в засаде?!

Приоткрываю тихонько дверь в комнату, проверяю, как там Сашка. Родной мой, лежит, как и лежал. Спит. И только небольшое сопение доносится в ночи до меня.

Я разворачиваюсь на пятках и прямо в одежде вваливаюсь в ванную. Срываю палантин, снимаю толстовку и джинсы, белье также летит на пол.

Тряска не проходит.

Голос Яна, его запах пронизывают меня насквозь. Хочу смыть с себя любое напоминание о бывшем муже. Хватаюсь за первый попавшийся пузырек с гелем, выдавливаю на мочалку. По аромату понимаю, что прихватила на стрессе детский, с запахом жевательной резинки. Смыть гель в канализацию совесть не позволяет. Ребенок его так любит, и он очень редко бывает в продаже, приходится заказывать через интернет эту серию.

Открываю кран на всю мощь. Хлесткие струи воды бьют по коже, причиняя дискомфорт. Быстро натираю себя мочалкой с такой силой, что кожа приобретает красный оттенок и немного саднит.

Ванная наполняется паром. Капельки воды стекают по запотевшему зеркалу, а я словно проваливаюсь в воспоминания. О бывшем. О нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.